

АЙН РЭНД

Людмила
Никифорова
Михаил
Кизилов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Михаил Кизилов

Айн Рэнд

«ВЕБКНИГА»

2020

Кизилов М. Г.

Айн Рэнд / М. Г. Кизилов — «ВЕБКНИГА», 2020 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-235-04713-6

Пожалуй, Айн Рэнд (Алиса Розенбаум) – самый популярный англоязычный писатель российского происхождения. Она родилась в столичном Петербурге, бежала в Крым из революционного Петрограда, написала первые произведения в советском Ленинграде, откуда эмигрировала в США, где стала романисткой, драматургом, киносценаристом, философом, культурологом. Своими интеллектуальными бестселлерами она повлияла на становление идеологии современного капиталистического мира. Ими зачитываются американские президенты и бизнесмены, они входят в программу учебных заведений США. Аллюзии на ее произведения можно встретить в современной музыке, книгах, молодежной субкультуре и даже компьютерной игре, а ее бурная личная жизнь стала сюжетом нашумевшего голливудского фильма. Она ненавидела коммунизм и считала, что любая страна «свободного мира» имеет моральное право напасть на СССР, создала философию объективизма и провозгласила эгоизм главной добродетелью человека. Имея всемирную славу, она почти не известна на родине. Восполняет этот пробел биография Айн Рэнд – история еврейской Золушки из России, ставшей королевой американской интеллектуальной жизни.

ISBN 978-5-235-04713-6

© Кизилов М. Г., 2020

© ВЕБКНИГА, 2020

Содержание

Предисловие	6
Глава первая. Санкт-Петербург – Петроград	10
В поисках подлинной Айн Рэнд	10
Семья Розенбаум	13
Дом на углу Забалканского и Клинского проспектов	21
На Невском и Знаменской площади	23
Детские впечатления	25
Роль религии и еврейской идентичности	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Михаил Кизилев, Людмила Никифорова

Айн Рэнд

© Никифорова Л. Л., Кизилев М. Б., 2020

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2020

Предисловие

Айн Рэнд – псевдоним Алисы Розенбаум, выдающейся американской писательницы российско-еврейского происхождения, философа, идеологического гуру современного капиталистического мира. Несмотря на впечатляющие тиражи и многочисленные переводы на русский язык, ее имя до сих пор недостаточно хорошо известно в России. Между тем в США, куда она эмигрировала, да и вообще за рубежом Айн Рэнд уже давно стала культовой фигурой: ее книги переиздают миллионными тиражами, читают и обсуждают. Можно сказать, что западный мир поделен на поклонников и противников ее идей.

Знаменитость пришла к писательнице после публикации ее первых бестселлеров – монументальных интеллектуальных романов «Источник» (1943) и «Атлант расправил плечи» (1957), привлечших к себе самую широкую читательскую аудиторию. По первому из них в 1949 году в Голливуде Кингом Видором был поставлен одноименный фильм с выдающимися актерами того времени Гари Купером и Патрицией Нил. В Америке вскоре началась настоящая «рэндомания», а имена писательницы и ее героев стали нарицательными. У идей Айн Рэнд появился широкий круг последователей, а на выступления писательницы надо было записываться за несколько месяцев. Идеологическая система, названная ею «объективизм», начала завоевывать всю планету.

Айн Рэнд стала, пожалуй, первой женщиной-интеллектуалом, проинтервьюированной знаменитым журналом «Плейбой» в марте 1964 года, наряду с такими выдающимися мыслителями, как Жан Поль Сартр, Эрнест Хемингуэй и Бертран Рассел (это мы к тому, что в мужской журнал ее пригласили не за сногшибательную фигуру или ослепительную улыбку). Ровно за два месяца до этого «Плейбой» опубликовал интервью с другим выдающимся американским писателем русского происхождения – Владимиром Набоковым, с которым Айн Рэнд связывает несколько любопытных биографических параллелей. Добавим, что в ту эпоху, в отличие от современности, «Плейбой» наряду с откровенной эротикой нес в массы свежие мысли популярных писателей и философов.

В 1950-е и 1960-е годы Айн Рэнд привлекала к себе внимание крупнейших американских политиков консервативного направления. Ее книгами зачитывался знаменитый «охотник за красными» сенатор Барри Голдуотер (1909–1998), кандидат в президенты от Республиканской партии (1964). Другой претендент на президентский пост, конгрессмен Рон Пол (род. 1935), вел свою избирательную кампанию (2012) под лозунгом «В традициях Айн Рэнд».

Как бы удивительно это ни звучало, но после смерти писательница стала еще более популярной. По некоторым оценкам, ежегодно продаются сотни тысяч экземпляров книг Айн Рэнд только на английском языке. Ее антиутопия «Гимн» вошла в программу американских учебных заведений наряду с такими произведениями, как «Повелитель мух» Уильяма Голдинга, «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли и «1984» Джорджа Оруэлла. Современный английский философ Джон Грей назвал Айн Рэнд самым влиятельным атеистическим мыслителем XX века, полагая, что герой ее романа «Атлант расправил плечи» Джон Голт заменил собой «сверхчеловека» Ницше¹.

Бурная личная жизнь Айн Рэнд была положена в основу сюжета нашумевшего голливудского фильма, а книги переведены практически на все языки мира. По некоторым статистическим данным, в США и других англоязычных странах ее публикации далеко опередили по популярности труды Карла Маркса и соперничают по известности и тиражам с романами Джона Толкина или Джорджа Мартина. Согласно исследованию 1991 года, проведенному Библиотекой Конгресса США и клубом «Книга месяца», ее «Атлант...» во влиянии на челове-

¹ См.: Gray J. Seven Types of Atheism. Allen Lane, 2018. P. 47.

ство уступает только Библии. Отделения основанного в 1985 году Института Айн Рэнд, занимающегося продвижением ее идей, есть в США, Китае, Индии, Великобритании, Аргентине, Мексике. Недавно один из ее поклонников, решив, по его словам, сделать «свою страну и весь мир лучше», объехал на автомобиле 30 штатов, преодолев расстояние в 12 238 миль (19 695 километров) и используя GPS-навигатор, чтобы его маршрут образовал на карте гигантскую фразу «READ AYN RAND» («Читайте Айн Рэнд»).

Такие выдающиеся фигуры, как нобелевский лауреат по экономике (1976) Милтон Фридман и советник президента США Рейгана Мартин Андерсон, считали, что во многом под влиянием идей Айн Рэнд правительство США в 1980-е годы перешло на позицию поддержки свободного рынка, отвергнув активную роль государства в экономике.

Еще один интересный факт: в блокбастере режиссера Оливера Стоуна «Сноуден» (2016) также красной нитью проходит идеология Айн Рэнд. В самом начале фильма во время собеседования при поступлении на работу в Агентство национальной безопасности, отвечая на вопрос, какие книги повлияли на него, герой цитирует строчку из «Атланта...»: «Один человек может остановить двигатель мира». Позднее спецгент лично оправдывает эту максиму – в одиночку вступает в неравный бой с гигантским аппаратом американских спецслужб.

Особенно активно об Айн Рэнд и ее идеях заговорили после начала кризиса 2007 года, который она фактически предсказала в своем главном романе «Атлант расправил плечи». Учеником и соратником Айн Рэнд, немало поспособствовавшим продвижению ее идей, является крупнейший американский экономист Алан Гринспен (Alan Greenspan), председатель совета управляющих Федеральной резервной системой при четырех президентах США (1987–2006), один из влиятельнейших людей современности.

Пожалуй, нет такого американского президента, который не читал и не цитировал Айн Рэнд. Впрочем, несмотря на восторженное отношение к ней Рональда Рейгана, писательница отзывалась о нем резко негативно. И если Барак Обама в интервью журналу «Роллинг стоун» заявил, что книги Айн Рэнд хороши только для тинейджеров, думающих, что «их неправильно понимают», то лидеры республиканцев относятся к ней с нескрываемым восхищением.

Нынешний президент США Дональд Трамп сразу после избрания окружил себя *объективистами* – последователями философии и идеологии Айн Рэнд. Рекс Тиллерсон, политик, предприниматель и Государственный секретарь США в 2017–2018 годах, сообщил, что «Атлант расправил плечи» – его любимая книга, а сменивший его на посту госсекретаря Майк Помпео назвал творчество писательницы главным источником, вдохновлявшим его в личной жизни и профессиональной деятельности. Поклонником Айн Рэнд является Эндрю Паздер, в прошлом кандидат на пост министра труда в кабинете Трампа.

Многие другие советники и союзники американского президента также неоднократно заявляли о своем восхищении Айн Рэнд, ее философией и книгами. К примеру, бывший спикер палаты представителей американского конгресса (2015–2019) Пол Райан признавался, что дарит ее книги всем знакомым на Рождество и даже заставляет своих стажеров читать их. По его мнению, философия Айн Рэнд «крайне необходима сейчас», ибо мы «живем в романе Айн Рэнд». Он также заявлял, что «Айн Рэнд более, чем кто-либо другой, проделала фантастическую работу по разъяснению морали капитализма и морали индивидуализма». Наконец, сам Дональд Трамп сообщил, что является поклонником писательницы и отождествляет себя с главным героем романа «Источник» – индивидуалистом Говардом Рорком, архитектором, вознесшимся на вершину успеха, несмотря на ярое противодействие всех и вся. Есть знаменитые поклонники ее творчества и среди демократов – например Хиллари Клинтон.

Отношение политических элит России к Айн Рэнд резко поляризовано. Среди ее поклонников – ведущие либералы и лидеры правых сил, в то время как центристы и левые в основном резко критикуют ее идеи. Активный интерес к писательнице проявляют также отечественные бизнесмены и... спортсмены. Роман «Источник» назвал своей любимой книгой Федор Смо-

лов, один из лучших бомбардиров сборной России по футболу. Любит творчество Айн Рэнд, в особенности роман «Мы живые»², нападающий футбольного клуба «Урал» Владимир Ильин. Сооснователь сети салонов сотовой связи «Евросеть» Евгений Чичваркин, во многом сформировавшийся как личность под влиянием Айн Рэнд, дарил ее книги президенту Дмитрию Медведеву на день рождения и инаугурацию, а Андрей Илларионов в бытность советником президента Владимира Путина советовал тому прочесть их. Правда, неизвестно, прочли ли Медведев и Путин эти книги и на какие размышления их навели романы писательницы...

Вообще история проникновения идей и книг Айн Рэнд в нашу страну не проста. Две ее первые брошюры – «Пола Негри» и «Голливуд, американский киногород», – посвященные истории Голливуда и его актеров, появились в СССР в 1925 и 1926 годах (!), причем первая – даже без указания фамилии автора. Это были единственные произведения Алисы Розенбаум, написанные на русском языке. Ее американские романы, а также философско-политические трактаты и публицистика вследствие их резкого антисоветского и антикоммунистического содержания не могли дойти до русскоязычного читателя. (Несколько странно, почему их уже тогда не перевели антисоветские эмигрантские издательства типа «Ардиса» или «Континента».)

Первые русские переводы художественных и философских трудов писательницы, появившиеся в 1990-е годы, также имели ограниченную известность. Тогда вообще мало кто в России знал, что за знаменитым брендом «Айн Рэнд» скрывается хрупкая петроградская еврейская девочка. Читательский рынок, что называется, «прорвало» лишь после кризиса 2008 года: практически сразу различные российские издательства начали издавать не только романы Айн Рэнд, но и все ее незавершенные произведения, а также философские и публицистические работы. Только в одном из них, «Альбина Паблишер», трехтомник, включавший «Атланта...», был издан 12 раз! По успешности «Атланта...» можно сравнить с хитами продаж типа акунинских романов про Фандорина или Поттерианы Джоан Роулинг. Однако на рынке российской интеллектуальной и философской литературы (а к ней, без сомнения, принадлежат произведения Айн Рэнд) ее успех попросту не имеет аналогов.

О чем же расскажет читателю наша книга? Прежде всего о том, как юная Алиса Розенбаум из питерской еврейской семьи со средним достатком, во время бегства из Советской России в далекую Америку практически не зная английского, стала своим человеком в Голливуде и позднее превратилась в несравненную Айн Рэнд – властительницу дум гигантской заокеанской державы; о дореволюционном Санкт-Петербурге – Петрограде и советском Ленинграде в первой половине 1920-х годов; о Крыме в страшное время Гражданской войны; об увлекательной и полной замысловатых интриг истории американской киноиндустрии... Однако прежде всего мы, конечно, будем говорить о секретах жизни, любви, творчества и философии Айн Рэнд.

Одной из важных задач нашей книги является неизбежная деромантизация биографии писательницы. Айн Рэнд, как почти любой на ее месте, рассказывая о своей жизни, очень часто искажала реальные события, опуская некоторые из них и приукрашивая другие. К сожалению, предыдущие биографы писательницы некритично приняли на веру подавляющее большинство этих мифов. Однако обнаруженные нами архивные источники зачастую показывают картину, несколько отличную от той, которую пыталась нарисовать она сама.

Хочется верить, что, изучив биографию писательницы, читатель сможет понять секрет ее успеха и научиться пробивать лбом многочисленные и, казалось бы, непреодолимые преграды, которые ставят государство, социум, коррупция и равнодушие окружающих. Некоторые, быть может, попробуют воплотить ее идеи в реалиях нашего неуступчивого мира и... да-да, смогут

² Мы пользовались переводом Д. В. и С. А. Костыгиных, в котором английское название романа «We the Living» переведено как «Мы живые». В других переводах встречаются варианты названия «Мы, живые» и «Мы – живые».

добиться финансового успеха. Ведь именно этим критерием писательница измеряла успешность чьей-либо, да и своей собственной, жизни. В конце концов, удалось же это ей самой и героям ее книг...

Анализируя публикации Айн Рэнд, мы используем преимущественно уже существующие русские переводы, при этом вынуждены периодически указывать на серьезные ошибки (порой просто диву даешься, насколько неудачно выглядят некоторые произведения в том виде, в каком их представляют читателю переводчики).

На наш взгляд, крайне любопытным для читателей будет также анализ интереса к Айн Рэнд уже после ее смерти, как в нашей стране, так и за рубежом: рассказ о том, кто ее ныне обожает, а кто ненавидит, может многое пояснить в природе ее идей.

От других биографий Айн Рэнд (а их, кстати, не так уж и много) нашу книгу отличает использование ранее неизвестных архивных источников, обнаруженных нами как в Крыму и Санкт-Петербурге, так и за рубежом, прежде всего в США. Ни одно другое исследование биографии писательницы, опубликованное как в России, так и на Западе, не уделило так много внимания российскому и советскому периоду ее жизни и не исправило многочисленные ошибки и недоработки предыдущих жизнеописаний Айн Рэнд. Все диалоги, приведенные в нашей книге, являются реальными фразами, зафиксированными современниками. В книге нет выдуманных эпизодов и художественных домислов – жизнь писательницы достаточно хорошо задокументирована, чтобы обойтись без них.

Поскольку авторы данной книги не являются рэндоманами, она не имеет апологетического характера, не прославляет всё сказанное и сделанное Айн Рэнд, однако и не пускается в другую крайность – безудержной критики и высмеивания ее жизненного пути и достижений. Авторы постарались быть максимально объективными, оценивая как достоинства, так и недостатки своей героини.

Выражаем признательность коллегам и организациям, без поддержки которых книга вряд ли была бы написана, прежде всего сотрудникам Архива Айн Рэнд (Ирвайн, Калифорния) Ану Сеппала и Джеффу Бриттингу. Отдельно благодарим историка А. Б. Кустова (Санкт-Петербург); работников библиотеки «Таврика» (Симферополь) и ее директора Н. Н. Колесникову; А. И. Хаеша и А. В. Ефимова за содействие в работе с материалами Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга и Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга; А. А. Кудрявцеву за предоставленное фото Н. Е. Бредихина и его семьи; сотрудников Евпаторийского краеведческого музея и евпаторийских историков К. С. Батозского, И. М. Слепкан; К. И. Финкельштейна за любезно предоставленные фотографии Евпатории периода Гражданской войны. Мы высоко ценим помощь и поддержку В. Г. Зарубина, Ари Тапонена, Голды Ахизер, Брэда Сэбина Хилла, Питера Голдена, Криса Шабарры и Дженнифер Бёрнс.

Глава первая. Санкт-Петербург – Петроград

В поисках подлинной Айн Рэнд

Можно перечитать все художественные произведения и публицистические статьи Айн Рэнд, пересмотреть тысячи интернет-сайтов и блогов, посвященных жизни и творчеству писательницы, проштудировать несколько ее биографий – и так и не проникнуть в тайну ее истинной жизни и судьбы.

В настоящий момент существует несколько биографий Айн Рэнд, знакомство с которыми необходимо для любого исследователя, занимающегося любым аспектом ее жизни и творчества. Самая ранняя – и, пожалуй, самая важная из них – опубликованная в 1986 году «Страсть Айн Рэнд», принадлежащая перу Барбары Брэнден³ (1929–2013), ее ученицы и подруги с 1950 по 1968 год⁴, основанная на серии бесед и интервью с самой писательницей и хорошо знавшими ее людьми. Удивительно, но данная монументальная книга, созданная столь близким к писательнице человеком, была принята в штыки сторонниками объективизма и философии Айн Рэнд. Дело в том, что в ней впервые была поднята многолетняя завеса тайны над личной жизнью писательницы, рассказана история ее тайного романа с Натаниэлем Брэнденом, в ту пору являвшимся... мужем самой Барбары.

Рэндисты до сих пор отказываются верить в подлинность этого эпизода из жизни их кумира и попросту игнорируют многие факты, известные нам из этой биографии⁵. Мы с вами тем не менее будем часто пользоваться данной книгой, так как многое сказанное в ней, вне всякого сомнения, является правдой. Конечно, книга, основанная главным образом на сведениях, предоставленных самой Айн Рэнд, не может являться истиной в последней инстанции: найденные нами архивные документы однозначно показывают, что в своих интервью писательница иногда искажала реальные события. К примеру, опасаясь за близких, оставшихся за «железным занавесом», она нигде не указывала точные адреса мест проживания и учебы, скрывала многие имена и фамилии. Кроме того, Барбару Брэнден, в 1968 году исключенную из круга людей, приближенных к писательнице, даже после смерти последней не допускали к личному архиву ее бывшей подруги, хранящемуся в Институте Айн Рэнд. Однако опубликованные недавно дневники Айн Рэнд и другие источники показывают, что супруги Брэнден в основном предоставляли достоверные биографические сведения; в том же, что касается интимной стороны отношений Натаниэля и Айн Рэнд, они, несомненно, слишком субъективны и далеко не всегда правдивы. Приведем высказывание независимой исследовательницы Дженнифер Бёрнс в защиту воспоминаний Брэнденов: «Я была удивлена, обнаружив, насколько точны обе книги. Я не обнаружила каких-либо серьезных ошибок или искажений в основной хронологии или ходе событий».

В этом контексте становится особенно важной биография Айн Рэнд, написанная в 2004 году Джеффом Бриттингом⁶, куратором ее личного архива в вышеуказанном институте. Его исследование, полностью игнорирующее книгу Б. Брэнден, впервые представило читателям жизнь писательницы на основании исключительно ценных письменных, иллюстративных,

³ Несмотря на то что отечественные переводчики пишут эту фамилию как Бранден, единственно правильной является транскрипция Брэнден. Именно так звучит эта фамилия на английском языке во всех интервью с Барбарой и Натаниэлем Брэнден, а также в передачах, посвященных биографии Айн Рэнд.

⁴ См.: *Branden B. The Passion of Ayn Rand. New York, 1987.*

⁵ См.: *Valliant J. S. The Passion of Ayn Rand's Critics: The Case Against the Brandens. Dallas, 2005.*

⁶ См.: *Britting J. Ayn Rand. New York; Woodstock; London, 2004.*

фотографических и даже материальных источников. Из него мы узнаём, где именно она училась, жила и работала, какие открытки и марки собирала, каких художников и актеров обожала, а также о многом другом. Книга проиллюстрирована десятками ценнейших фотографий и документов, открывающих важнейшие стороны Айн Рэнд как личности и как писателя. Среди недостатков этой биографии можно отметить ее краткость и некоторую апологетичность. Кроме того, в ней не совсем верны некоторые данные относительно российского периода жизни писательницы.

Наконец, для правильного понимания Айн Рэнд крайне важна книга Энн Хеллер «Айн Рэнд и мир, который она создала» (2009)⁷. Несмотря на то что по разным причинам исследовательнице было отказано в работе с материалами личного архива писательницы⁸, Хеллер нашла силы продолжить работу над книгой, взяла интервью у ее родственников, знакомых и друзей, а также (внимание!) у ее «protégé» и любовника Натаниэля Брэндена, отыскивала в американских архивах интересные документы, а также прослушала 40 часов биографических интервью, записанных Барбарой Брэнден. Важно принимать во внимание, что писательница, никогда не отрицавшая свое еврейское происхождение, тем не менее крайне редко вспоминала о нем даже тогда, когда рассказывала Барбаре о своем детстве. Книга Хеллер возвращает жизни Айн Рэнд еврейский контекст, без которого, пожалуй, невозможно понять не только ранние этапы ее биографии, но и американский ее период. Однако нельзя не отметить, что исследовательница порой чрезмерно подчеркивает еврейскую линию; Айн Рэнд происходила из не слишком религиозной семьи и никогда не стремилась сознательно подчеркивать свою этническую принадлежность.

В ряду источников для написания биографии Айн Рэнд мы воспользовались недавно опубликованными ее дневниками и письмами, а также книгой Скотта Макконнелла (2010)⁹, в которой напечатаны 100 новых интервью людей, в разные годы знавших писательницу, зачастую сообщающие потрясающие данные, позволяющие изменить некоторые общепринятые – и не слишком верные – мнения об отдельных эпизодах ее биографии. Важным источником для нашей книги стали также многочисленные выступления и записи самой героини, включая продолжительные устные рассказы биографического характера, которые сейчас можно обнаружить в различных цифровых архивах. Интерес представляют и воспоминания Натаниэля Брэндена¹⁰, повествующие о восемнадцати годах, проведенных вместе с Айн Рэнд, помогающие понять характер и личные качества писательницы. При этом, конечно, нельзя забывать, что эти воспоминания написаны крайне эмоционально и апологетически; кроме того, следует иметь в виду, что их автор, естественно, как мог выгораживал собственное, далеко не всегда ответственное и честное, поведение.

Единственная отечественная биография Айн Рэнд, созданная А. В. Вильгоцким, не слишком убедительна: практически все биографические данные автор берет из книги Э. Хеллер, не используя важнейшие публикации Б. Брэнден и Дж. Бриттинга, не говоря уже о данных российских и американских архивов¹¹. Попытку «разоблачить» идеологию писательницы и философа предпринял известный интеллектуал Анатолий Вассерман. Увы, дальше громкого заголовка дело не пошло: книга Вассермана не содержит сколько-нибудь обоснованной и глубокой критики взглядов Айн Рэнд¹².

⁷ См.: Heller A. C. Ayn Rand and the World She Made. New York, 2009.

⁸ О том, насколько сложен доступ в личный архив писательницы, см.: Campbell R. L. Six Years Outside the Archives: The Chronicle of a Misadventure, in Three Acts // Journal of Ayn Rand Studies. 2017. Vol. 17. № 1. P. 68–83.

⁹ См.: 100 Voices: an Oral History of Ayn Rand / Ed. by S. McConnell. New York, 2010; Айн Рэнд. 100 голосов / Сост. С. Макконнелл; пер. Ю. Соколова. М., 2018.

¹⁰ См.: Branden N. Judgement Day: My Years with Ayn Rand. Boston, 1989.

¹¹ См.: Вильгоцкий А. В. Кто такая Айн Рэнд? М., 2015.

¹² См.: Вассерман А. Чем социализм лучше капитализма: Разоблачение знаменитого романа «Атлант расправил плечи».

Но даже знакомства со всей вышеперечисленной литературой мало, чтобы найти настоящую Айн Рэнд. На наш взгляд, только всестороннее и детальное сравнение воспоминаний Барбары Брэнден и других людей, знавших и любивших писательницу, с данными ее личного архива и сведениями, обнаруженными нами в архивах Крыма и Санкт-Петербурга, позволит понять, какой в действительности была эта удивительная женщина – писатель, драматург, публицист, сценарист, философ, политолог и культуролог.

Семья Розенбаум

Начнем биографию традиционно – с места и времени рождения героини. Алиса Зиновьевна Розенбаум появилась на свет 20 января (2 февраля) 1905 года¹³. Впрочем, в ее еврейской метрике¹⁴ дата была указана в соответствии с иудейским календарем – 27-е число месяца швата 5665 года от Сотворения мира. Рождение ребенка зафиксировал в синагогальной метрической книге раввин Авраам Нотович Драбкин (1844–1917), известный еврейский ученый и общественный деятель.

Все дети в семье Розенбаум – Алиса, Наталья и Элеонора – получили европейские, а не традиционные библейские или идишские имена. Подобное предпочтение является достаточно необычным, но не то чтобы совсем удивительным: во многих образованных и секуляризованных еврейских семьях того времени, проживавших в больших городах и занимавшихся коммерцией, уже начинали предпочитать европейские имена традиционным. Вспомним, к примеру, что родившийся в 1890 году будущий нобелиат по литературе Пастернак получил славянское имя Борис, в отличие от его отца Леонида Осиповича, по документам звавшегося Аврум Ицхок-Лейб. Ради интереса мы проверили в архивной папке с метрическими данными за 1905 год имена других еврейских детей, родившихся в Санкт-Петербурге в том же году, что и Алиса. Большая часть из них (в особенности девочки) также получила христианские или славянские, а не традиционные еврейские имена.

Впрочем, существует созвучное Алисе еврейское имя Ализа, означающее «веселая», «радостная», «ликующая»¹⁵. То же самое можно сказать и об именах других дочерей в семье Розенбаум. Так, имя Элеонора, предположительно имеющее древнегреческое или германское происхождение, похоже на имя Элиор, переводящееся с иврита как «Бог – мой свет», а имя Наталья (от *лат.* *patalis* – родной) – на еврейское имя Анат. Однако неизвестно, принимали ли родители это фонетическое сходство; записи в метрической книге велись только по-русски, и там содержится лишь русская форма имени будущей писательницы.

Алиса родилась в Санкт-Петербурге – столице Российской империи и одном из самых красивых европейских городов. Тем не менее, чтобы понять, как жила семья Розенбаум до потрясений 1917 года, необходимо проанализировать историю петербургской еврейской общины. Первые евреи появились там еще в эпоху его основателя Петра I. Правда, это в основном были выкресты – любимый шут царя Ян д'Акоста (Лакоста), первый петербургский генерал-полицеймейстер Антон Девиер, вице-канцлер барон Петр Шафиров и др. Санкт-Петербург с его белыми ночами был, прямо скажем, не слишком удобен для проживания религиозных иудеев. Раввин Лев Эпштейн в 1750-е годы писал: «Провидением предуказано, чтобы евреи не жили в Санкт-Петербурге, так как в летние месяцы ночи нет (белые ночи) и, следовательно, невозможно определять время утренней и вечерней молитв».

Тем не менее в XVIII веке в городе появляются уже и евреи-иудаисты, нашедшие возможность преодолевать подобные религиозно-правовые трудности. С 1860-х годов, когда правительство ввело определенные послабления в закон о черте оседлости¹⁶, количество евреев

¹³ Сама писательница даже после перехода России с юлианского календаря на григорианский (1918) указывала в качестве даты своего рождения именно 20 января (например, она стоит в американском паспорте, выданном ей 29 июня 1929 года; см.: *Britting J.* Ayn Rand. New York; Woodstock; London, 2004. P. 39). Однако известно, что в 1926 году Алиса Розенбаум отметила в Берлине свой двадцать первый день рождения 2 февраля (см.: *Branden B.* The Passion of Ayn Rand. New York, 1987. P. 62), что как раз соответствует 20 января по старому стилю.

¹⁴ См.: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб.). Ф. 422. Оп. 3. Д. 394. Л. 3. 13 августа 1924 года с этого документа была сделана копия и выдана на руки самой Алисе Розенбаум (факсимиле см.: *Britting J.* Op. cit. P. 2).

¹⁵ См., например, Книгу пророка Исаии: Ис. 22:2.

¹⁶ Черта оседлости – существовавшая с 1791 по 1917 год граница территории на западе Российской империи, за преде-

в столице начинает неуклонно расти, достигая двух процентов от общего числа обитателей города – вроде бы немного, однако в абсолютных цифрах, по данным на 1910 год, это около 35 тысяч человек.

В 1910 году только 55 процентов евреев Петербурга называли идиш родным языком. Вырвавшиеся из черты оседлости евреи зачастую жаждали полностью порвать с местечковым прошлым, и идиш был для них символом жизни тягостного и беспросветного гетто. Отец и мать Айн Рэнд, вне всякого сомнения, знали идиш, но не учили ему своих дочерей, предпочитая преподавать им русский и европейские языки.

Проживавшие в столице евреи, безусловно, входили в интеллектуальную и финансовую элиту еврейской общины империи. В распоряжении общины были величественная Хоральная синагога, отдельный сектор и синагога на Преображенском кладбище, многочисленные школы-хедеры. Еврейская пресса Санкт-Петербурга была разнообразна и многоязычна. К примеру, на иврите печатался еженедельник «Ха-Мелиц» (1871–1904), на идише – ежедневная газета «Дер фрайнд» (1903–1909) и толстый журнал «Ди идише вельт», на русском – журнал «Восход», еженедельник «Рассвет» (1879–1884), еженедельная газета «Русский еврей» (1879–1884) и др. Из тридцати девяти русско-еврейских газет и журналов, выходивших в России между 1860 и 1910 годами, 21 издание публиковалось в Санкт-Петербурге. Именно здесь увидела свет шестнадцатитомная «Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона» (1908–1913).

Первая в России консерватория была открыта в Санкт-Петербурге в 1862 году усилиями композитора, пианиста и дирижера Антона Рубинштейна. В столице работали академик живописи Моисей Маймон, художники Исаак Аскназий и Лев Бакст, скульптор Марк Антокольский, воспевал в стихах любимый город Осип Мандельштам. В Санкт-Петербурге действовало несколько еврейских партий, особенно активных во время революционных событий 1905–1907 годов. Среди местных евреев были сотни аптекарей, фотографов, юристов, ученых, врачей, коммерсантов. В 1859 году здесь был открыт первый частный банк западного типа «И. Е. Гинцбург»¹⁷.

К началу XX века евреи селились в нескольких районах города: в районе Коломны обитали небогатые переселенцы из еврейских местечек¹⁸; более зажиточные селились в районе Николаевского (Московского) вокзала; самые богатые – миллионеры Гинцбурги, Поляковы и др. – имели дома в аристократической Адмиралтейской части. Пороки и болезни большого города в значительно меньшей степени касались еврейской общины, чем остальных его обитателей: смертность ее членов от острых инфекционных заболеваний была значительно меньше средней по городу, а от алкоголизма – ниже в 18,2 раза! В целом община была достаточно секуляризованной, важную роль в ней играли не религиозные авторитеты, а просветители-маскилы.

Увы, время появления на свет будущей писательницы было омрачено одним из самых драматических событий российской истории – Кровавым воскресеньем 9 января 1905 года, послужившим толчком к началу первой русской революции. 6 августа того же года был обнародован манифест об учреждении Государственной думы, а 17 октября – манифест об усовершенствовании государственного порядка. Таким образом, Россия сделала шаг от неограниченной власти к конституционной монархии. Подданным предоставлялись гражданские свободы слова, печати, собраний, союзов, вероисповедания и неприкосновенность личности. К сожалению, в манифесте ничего не говорилось об отмене ограничений для евреев – им по-прежнему предписывалось жить в черте оседлости, их всё так же принимали в университеты только

лами которой было официально запрещено проживать евреям, за исключением отдельных социально «полезных» категорий – купцов первой гильдии, военных чинов, рекрутов, ремесленников, крупных финансистов, промышленников, врачей, людей искусства и прочих, получавших специальные разрешения.

¹⁷ См.: Бейзер М. Евреи в Петербурге. Иерусалим, 1989; *Он же*. Евреи Ленинграда. 1917–1939. М., 1999.

¹⁸ Еврейское местечко – небольшое поселение городского типа в черте оседлости с преобладанием еврейского населения.

по процентной норме и не давали продвигаться по штатской или военной службе. Более того, вскоре после провозглашения манифеста 17 октября, с энтузиазмом принятого левыми партиями (Бундом, Социалистической еврейской рабочей партией, эсерами, социал-демократами), активными членами которых были евреи, по империи прокатилась волна беспримерных по жестокости еврейских погромов, зачинщиками которых были Союз русского народа, Союз Михаила Архангела и другие черносотенные организации.

В октябре 1905 года в России произошло около 690 погромов в 660 городах, селах и местечках, во время которых были зверски убиты более трех с половиной тысяч человек, более десяти тысяч ранены. Подавляющее число жертв составляли именно евреи, но пострадали и лица других национальностей: случайные прохожие, сторонники левых партий, прислуга еврейских домов. Петербургский поэт Семен Надсон писал об этих ужасных событиях:

Но в наши дни, когда под бременем скорбей
Ты гнешь чело свое и тщетно ждешь спасенья,
В те дни, когда одно название «еврей»
В устах толпы звучит как символ отверженья,
Когда твои враги, как стая жадных псов,
На части рвут тебя, ругаясь над тобою,
Дай скромно встать и мне в ряды твоих бойцов,
Народ, обиженный судьбою.

К счастью для родителей Алисы, основная волна погромов затронула лишь черту еврейской оседлости на юге и западе России, не добравшись до столицы. Тем не менее зверства черносотенцев, о которых постоянно писала российская и зарубежная пресса, не могли не волновать семью Розенбаум. Из кого же она состояла?

Отцом семейства являлся Зельман-Вольф Захарович (Зорахович) Розенбаум. Многие светские евреи того периода меняли сложные для произношения традиционные еврейские имена на европейские или славянские, начинавшиеся с той же буквы: Абрамы зачастую становились Александром или Адольфом, Симхи – Семенами, Барухи – Борисами, Ривки – Раисами или Розами и т. п.¹⁹ Розенбаум тоже предпочитал для светского общения не использовать имя Зельман (Залман) – идишский вариант иудейского имени Шломо (Соломон). В повседневности Зельмана-Вольфа называли в основном Зиновием, а в семье – фамильярно З. З. или Захаровичем. Энн Хеллер предположила, что наличие нескольких имен могло помочь петербургским евреям, в том числе Зельману-Залману-Зиновию Розенбауму, избежать возможных проблем с регистрацией.

Поскольку дети Розенбаума да и сам он предпочитали использовать имя Зиновий, так его будем называть и мы.

В этом контексте выглядит весьма странным, что в биографии Барбары Брэнден, основанной в основном на беседах с самой Айн Рэнд, ее отец именуется исключительно Фронцем (идишский аналог немецкого имени Франц) Розенбаумом. Однако этот вариант не встречается ни в одном другом доступном нам источнике. Возможно, сама Айн Рэнд специально называла его так, чтобы не навлечь репрессий на родственников, оставшихся в СССР.

Родившийся, по некоторым сведениям, 18 ноября 1869 года (по другим данным – в 1871-м), Зиновий Розенбаум был, что называется, *self-made man* – человек, всего добившийся

¹⁹ Впрочем, это правило действовало не всегда: Эстер могла зваться Стефанией или Ириной, Зорух – Григорием, Зеэв – Вольфом и т. д.

сам. Это любили подчеркивать и он, и его дочь, будущая Айн Рэнд. Зиновий Захарович был красивым темноволосым широкоплечим мужчиной, выше среднего роста, с пышными, слегка подкрученными усами. Высокий лоб и внимательный взгляд свидетельствуют о большом интеллекте и богатом жизненном опыте. Семья, из которой он вышел, бедная и многодетная, происходила из городка Брест-Литовск (на иврите и идише – Бриск или Бриск де-Лита), находившегося на западе империи, в черте оседлости. Некогда крупный торговый центр, ко второй половине XIX века Брест-Литовск превратился в типичное еврейское местечко. Заработок населению давали в основном легкая и перерабатывающая промышленность, торговля, транспорт, частная и общественная служба.

Амбициозный и умный юноша Зиновий Розенбаум не хотел повторить судьбу большинства своих соплеменников и приложил все силы, чтобы вырваться из местечкового уклада. Увы, бедные родители не могли оплатить учебу сына в университете. По этой причине Зиновию пришлось до двадцати семи лет работать, чтобы накопить деньги на образование. Отметим, что он завел семью только в 34 года, что было необычно: как правило, юноши из черты оседлости вступали в брак в 18–20 лет.

В 27 лет молодой человек смог поступить в Варшавский университет и два года спустя, в 1899 году, получил европейское образование со специализацией в шагнувшей тогда семимильными шагами фармацевтике – науке, спасавшей миллионы людей от многих болезней. Изначально Зиновий не хотел быть фармацевтом. К этому его принудили обстоятельства. Во-первых, далеко не во все российские университеты можно было поступать евреям; во-вторых, даже в тех из них, где это было разрешено, существовали специальные еврейские квоты. Как только на факультете химии Варшавского университета появилось свободное место, Зиновий решил немедленно воспользоваться этой возможностью.

Увы, из-за своего происхождения он был вынужден довольствоваться статусом слушателя, а не полноправного студента. По этой же причине он не смог получить официального звания бакалавра медицины. Тем не менее полученное им свидетельство о завершении двухлетних курсов позволило покинуть черту оседлости и начать зарабатывать на жизнь в качестве аптекаря. Необходимо отметить, что Зиновий не забывал о своих корнях и помог получить медицинское образование своим шести сестрам и брату (некоторые из них потом также переехали в Санкт-Петербург). Кстати, по какой-то причине родственники Зиновия не очень любили его жену и поэтому почти не общались с его семьей.

Айн Рэнд рассказывала:

«У него были строгие убеждения, о которых практически не было известно, так как он в основном молчал и редко спорил. Мать рассуждала о политике, а отец этого никогда не делал. Казалось, что он не был заинтересован в интеллектуальных вопросах, однако, даже будучи ребенком, я чувствовала, что он воспринимает идеи гораздо более серьезно, чем мать. Однажды он сказал мне, что хотел бы быть писателем; он считал идеи и их распространение самой важной вещью на свете... Его самой главной темой был индивидуализм; он был привержен к рассудочному мышлению, но, к сожалению, никогда не заявлял о своих убеждениях; он был не религиозен, хотя никогда не возражал против религиозных идей матери – он выражал мысль: “Ну, ни в чем нельзя быть уверенным”».

Сестра Алисы, Элеонора, в замужестве Дробышева, также говорила об отце с глубоким уважением и описывала его как «высокого и красивого» мужчину. Однако и она отмечала отсутствие в нем энергичности, свойственной матери. По ее словам, полная жизненной энергии мать была «домашним тираном» и «начальником в семье».

Красивая осанистая женщина со смуглым цветом кожи и несколько надменным обликом, с полными чувственными губами, любившая дорогую одежду и украшения, Анна Борисовна (Хана Берковна) Розенбаум родилась в Санкт-Петербурге 16 октября (11 хешвана) 1879 года²⁰. Айн Рэнд называла ее просто Борисовной. В отличие от бедняка Зиновия, Анна происходила из достаточно успешной еврейской семьи. Ее отец Берко Ицкович Каплан был портным. По данным петербургского историка А. И. Хаеша, Б. И. Каплан был мещанином города Лиды Виленской губернии и отцом семерых детей. В столице он проживал с 1873 года, а в 1876-м стал цеховым мастером по портновскому цеху. Лишь 29 мая 1907 года, после тридцати четырех лет обитания в столице, ему было официально разрешено постоянно проживать в Санкт-Петербурге независимо от занятия ремеслом²¹.

Семейная легенда гласит, что граф Игнатъев²², окончив Пажеский Его Императорского Величества корпус, обратился к Каплану с просьбой пошить для него офицерскую униформу. Вскоре после этого, увидев высокое качество работы еврейского мастера, к нему стали ходить другие гвардейские офицеры. Случилось это, вероятнее всего, около 1896 года. Впрочем, по другой, менее правдоподобной, версии Берко Каплан или кто-то из его родственников шил сапоги для военнослужащих²³.

В метрических книгах Хоральной синагоги Санкт-Петербурга с 1873 по 1893 год, хранящихся в городском Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА СПб), нам удалось обнаружить имена четверых рожденных в Санкт-Петербурге детей лидского мещанина Берко Ицковича (его фамилия дважды записана как Каплун и дважды как Каплан) и его законной жены. 28 сентября 1877 года у них родился Яков, 16 октября 1879-го – Хана (будущая мать Айн Рэнд), 4 сентября 1880-го – Израиль, 14 июня 1886 года – Аркадий.

²⁰ См.: ЦГИА СПб. Ф. 422. Оп. 3. Д. 58. Л. 32 об.

²¹ См.: Там же. Ф. 1284. Оп. 224. Д. 155. Л. 182–188.

²² Вероятнее всего, имеется в виду граф Алексей Алексеевич Игнатъев (1877–1954) – известный русский и советский военный деятель, дипломат, автор мемуаров «Пятьдесят лет в строю».

²³ См.: *Branden B. Op. cit.* P. 6.

ЧАСТЬ II-Я О ВРАКОСОЧЕТАВШИХСЯ.						
№	Лета.		Кто совершалъ обрядъ обрученія и бракосочетанія (хину).	Число и мѣсяцъ.		Кто именно съ кѣмъ поступилъ въ бракъ, также имена и со- стояніе родителей.
	Женскаго	Мужскаго		Христіан- скій	Еврейскій	
14	24	34	М.г. По- мощника вни- равнина гани	По	Иовный Акни Кетцуба Зео- райса на 200 18 200 жонъ. свидетельши были. Гне мербургскій купецъ Боружъ Мовиовичъ Ловинскій и Виптебеніи мизаншнъ Анженъ Абрамъ Вольцокъ.	Вн закон- ный бракъ Цзовидоръ Зельманъ Волбофъ Захаровичъ Розен- баумъ ветчинъ свудинъ врачешъ двигушъ Ханонъ Берковной (вн не Анна Бори- совна) Кап- ланъ.

Регистрационная запись о бракосочетании Зиновия Захаровича (Зельмана-Вольфа Зораховича) Розенбаума и Анны Борисовны (Ханы Берковны) Каплан от 20 мая 1904 года.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Публикуется впервые

Некоторые вопросы вызывает имя бабушки писательницы по материнской линии. Во всех четырех метрических записях она названа Сарой, причем один раз записана без отчества, дважды как Сара Авелева и еще один раз – возможно, ошибочно – как Сара Абрамовна. Тем не менее в книге Энн Хеллер жена Берко Ицковича Каплана названа Розалией Павловной. Впрочем, вполне вероятно, что исследовательнице был известен лишь европейский, а не еврейский вариант имени.

Из имеющихся, согласно документам, на 1907 год семерых детей семьи Каплан нами выявлены имена четырех других родных братьев и сестер Ханы Берковны (Анны Борисовны)²⁴: Добруля – жена Иезекииля Конгейма, Елизавета – жена врача Исаака Моисеевича Гузарчика, Йосель (Яков)²⁵ и Мойша (Михаил).

ЧАСТЬ I-Я О РОДИВШИХСЯ.				
Число и мѣсяць.		Гдѣ родился.	Состояніе отца, имени отца и матери.	Кто родился и какое ему или ей дано имя.
Христіан-скій.	Еврейскій.			
Родился 20 января и крещен в соборном храме св. Николая 1905 года	27 Швага	12	У Иеронима Зельмана-Вольфа Зоравовича Розенбаума и законной его жены Ханы Берковны (она же Анна Борисовна)	Дочь Анна. 13.5.1921. К.Г.

²⁴ В электронном списке евреев, погибших во время блокады Ленинграда, она ошибочно названа Анат бат Барух, то есть Анат, дочь Баруха (см.: Список погибших в годы Блокады Ленинграда во время Второй мировой войны евреев и лиц, носящих еврейские имена и фамилии [Электронный ресурс] // URL: http://infoportal.co.il/iportal/Our_Projects/JBLWS/List/Blokadniki_list_00025549-032917.4.htm). На деле ее полное еврейское имя – Хана бат Берко (Берах) Каплан.

²⁵ Яков родился в Санкт-Петербурге в 1877 году, учился медицине в Харьковском университете, в 1900-м вернулся в родной город, где открыл магазин одежды.

Регистрационная запись о рождении Алисы Розенбаум. 20 января 1905 г.
ЦГИА СПб. Публикуется впервые

Все вышеуказанные родственники Алисы Розенбаум по материнской линии, а также некоторые из восьми братьев и сестер Зиновия Захаровича проживали в центре Санкт-Петербурга совсем недалеко друг от друга. Таким образом, маленькая Алиса Розенбаум провела всё детство в окружении многочисленных родственников. И несмотря на то, что семья Розенбаум была не слишком религиозная (таковыми были, пожалуй, 80–90 процентов проживавших в Санкт-Петербурге евреев), попытки некоторых биографов (да и самой писательницы) вырвать ее детство и юность из еврейского контекста, безусловно, в корне неверны.

В Государственном архиве Республики Крым (ГАРК) сохранилась анкета Анны Борисовны Розенбаум, которую она как служащая советского учреждения заполнила при регистрации в отделе управления Евпаторийского ревкома, очевидно, в декабре 1920 года. Из анкеты мы узнаём, что она окончила Литейную женскую гимназию Санкт-Петербурга, посещала врачебные курсы, а также курсы современных языков. Из других источников известно, что она получила профессию зубного врача, но после замужества перестала работать по специальности. Анна была, несомненно, более широко образованна, чем ее муж. В дополнение к медицинским знаниям она прекрасно владела французским, английским и немецким языками, что очень помогло ей в 1920-е годы: как многие бесприютные российские интеллигенты того времени, она могла преподавать иностранные языки и заниматься переводами зарубежной литературы для государственных издательств.

Дом на углу Забалканского и Клинского проспектов

Точно не известно, чем именно занимались родители Зиновия Розенбаума; по предположению Энн Хеллер, они также имели отношение к медицине. Известно, что Арон Розенбаум, дядя Зиновия, и его дети были врачами, акушерами, фармацевтами и стоматологами в Брест-Литовске и Санкт-Петербурге. Интересное совпадение: семья Анны Каплан также переехала в столицу из Брест-Литовска.

Вполне вероятно, что члены семей Каплан и Розенбаум были знакомы со времен жизни в этом местечке и Анна была обручена с Зиновием еще до того, как он перебрался в столицу. На это, в частности, указывает тот факт, что по прибытии в Санкт-Петербург в 1902 году молодой человек сразу же занял должность в аптеке, принадлежавшей сестре Анны Каплан Добруле и ее мужу Иезекиилю Конгейму. То, что недавно лицензированный фармацевт был нанят не как ученик или помощник, а как заведующий аптекой, может указывать на то, что это было заранее согласовано. Впрочем, не исключено, что всё было совсем по-другому и Зиновий встретил Анну только в Санкт-Петербурге, когда та общалась со своими родственниками – владельцами аптеки.

Поженились Зиновий и Анна в Хоральной синагоге Санкт-Петербурга 20 апреля по юлианскому календарю (3 мая по григорианскому, 18 ияра по еврейскому) 1904 года²⁶, за девять месяцев до рождения старшей дочери, Алисы. В то время молодая семья жила на углу Забалканского и Клинского проспектов, поэтому иногда в качестве ее адреса указывают: Забалканский проспект, дом 40; Клинский проспект, дом 27 (ныне – Московский проспект, дом 42). Судьба этого здания довольно интересна. В 1895 году во владение доходным домом вступил потомственный дворянин А. Я. Брафман, спустя три года перестроивший его в стиле эклектики. Острый угол дома был украшен балкончиками на уровне третьего и четвертого этажей, а также возвышающейся над ними изящной башенкой. В нем разместились одна из кондитерских крупной фирмы «Блигкен и Робинсон», фотоателье Марка Петровича (Мордхеля Пейсаховича) Кадысона, проживали несколько еврейских зубных врачей, купцов и аптекарей. Пожалуй, не будет ошибкой сказать, что примерно половину обитателей дома составляли зажиточные еврейские семьи.

С угла был вход в «Забалканскую» аптеку, просуществовавшую, невзирая на все политические потрясения, вплоть до конца 1990-х годов. Квартира, в которой проживали Анна и Зиновий, находилась, по-видимому, на втором этаже, над аптекой. Содержательницей аптеки была сестра Анны, Добруля Конгейм²⁷. В адресной книге Санкт-Петербурга за 1906 год Зальман Зиновьевич Розенбаум, проживающий на Забалканском проспекте, дом 40/27, указан в качестве провизора и управляющего «Московской» аптекой²⁸, находившейся неподалеку, на улице Разъезжей, дом 7, владельцем которой был его свояк Борис Исакович Конгейм.

Сколь же велико, наверное, было бы изумление добропорядочных обывателей, проживавших в доме на Забалканском, если бы они узнали, что с 1906 года там находилась конспиративная квартира революционерки Татьяны Александровны Словатинской (1879–1957). В своих неопубликованных воспоминаниях она писала: «Мою квартиру выбрали потому, что она была очень удобна в конспиративном отношении. Она находилась на 4-м этаже, на 5-м была лечебница, а на 3-м зубной врач. К врачу и в лечебницу всегда ходило много народа, и поэтому приходившие товарищи не вызывали подозрений. Они расспрашивали у швейцара

²⁶ См.: ЦГИА СПб. Ф. 422. Оп. 3. Д. 386. Л. 8 об.

²⁷ Видимо, сведения А. Ф. Векслера и Т. Я. Крашенинникова, что владельцем «Забалканской» аптеки был В. П. Олькеницкий, неверны. Все доступные нам справочники Санкт-Петербурга того времени, а также данные Э. Хеллер и Б. Брэндена свидетельствуют, что эта аптека принадлежала Добруле Конгейм.

²⁸ См.: Весь Петербург на 1906 год: Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., 1906. С. 565.

о лечебнице, а шли ко мне». В начале 1906 года, во время одной из тайных встреч революционеров, здесь выступил сам В. И. Ульянов-Ленин. Кроме того, возможно, что у Словатинской был роман с малоизвестным тогда грузинским революционером Иосифом Джугашвили; доподлинно известно, что его письма доставлялись Словатинской в «Книгоиздательное товарищество “Просвещение”», находившееся неподалеку, в доме 75¹⁹. Таким образом, под окнами квартиры, где Алиса Розенбаум сделала первые шаги, частенько прохаживались будущие организаторы революции 1917 года, лишившей семью Розенбаум денег, заработка и жизненных перспектив. (Позже явочную квартиру перенесли в дом 35 16-й линии Васильевского острова.)

В этом же доме 15 июня 1907 года на свет появилась вторая дочь Розенбаумов Наталья. Глобальные перемены в их жизни начались вскоре после рождения 21 августа (29 ава) 1910 года младшей сестры Алисы, Элеоноры (Норы)²⁹: семейство перебралось на Невский проспект, поскольку Зиновий Захарович стал управляющим расположенной там «Александровской» аптекой³⁰. В известной степени переезд Розенбаумов в этот район вполне вписывается в общую канву еврейской истории города: с начала XX века район Николаевского вокзала, где теперь находились жилье семьи и место службы ее главы, стал новым центром еврейской общины³¹. Причем туда переселялись в основном зажиточные европеизированные семьи, для которых была важна близость к вокзалу и Невскому проспекту – основным торговым артериям столицы.

²⁹ Подробнее об истории дома см.: Векслер А. Ф., Крашенинникова Т. Я. Московский проспект: Очерки истории. М.; СПб., 2014. С. 397–407.

³⁰ По мнению Э. Хеллер, переезд на Невский проспект мог состояться в конце 1909 года.

³¹ См.: ЦГИА СПб. Ф. 422. Оп. 3. Д. 454. Л. 30 об.

На Невском и Знаменской площади

«Александровская» аптека, находившаяся по адресу Невский проспект, дом 120, принадлежала немцу-лютеранину Александру Клинге. Почему Зиновий Захарович решил оставить работу в аптеке родственников жены? Вполне возможно, по той причине, что находившаяся в самом центре города «Александровская» аптека была более престижным и прибыльным местом. В тот же дом вскоре переехала и семья Розенбаум, состоящая к тому моменту уже из пяти человек, с прислугой. Многие авторы пишут, что аптека находилась на первом этаже, Розенбаумы жили на втором, а на третьем – семья сестры Анны, Елизаветы, и ее мужа Исаака Гузарчика³². Энн Хеллер пишет о том, что Розенбаумы занимали *second floor* – третий этаж (в Европе и Америке нижний этаж считается нулевым – *ground floor*).

И тут нам на помощь приходят данные филокартии (один из авторов этой книги является страстным собирателем старинных открыток). Почтовые карточки зачастую дают уникальные сведения о давно утраченных памятниках и зданиях. К сожалению, многие профессиональные историки пренебрегают этим важным источником, в основном из-за того, что их собиранием и систематизацией занимаются частники-коллекционеры, а не государственные библиотеки или архивы.

Так вот, на одной из них, с видом Знаменской площади (ныне площадь Восстания), выпущенной издательством «Г. М. Б.», четко видно, что «Александровская» аптека занимала угловой второй этаж здания, с окнами, выходящими с одной стороны на Невский, а с другой – на Знаменскую площадь. Следовательно, семья Розенбаум жила, вероятнее всего, в аналогичных помещениях на третьем этаже, а Гузарчики – на четвертом. Таким образом, балкон, с которого Алиса Розенбаум наблюдала за ходом драматических событий 1917 года на Знаменской площади, находился на углу дома, на третьем этаже. Вход в подъезд, где жили Розенбаумы, был там же, где и сейчас, – в центре фасадной части здания, выходящей на Знаменскую площадь. В ту эпоху его увенчивали надпись «аптека» и массивный двуглавый орел (естественно, до наших дней не дошедшие). Несколько забегаая вперед, скажем, что после национализации аптеки Розенбаума и конфискации его квартиры победившим пролетариатом с 1921 по 1923 год семья будет жить в трех комнатах на четвертом этаже³³. Таким образом, вся угловая часть дома 120 на Невском проспекте так или иначе связана с семьей Розенбаум.

Дом был расположен в весьма удобном, можно сказать, стратегическом месте: рядом находился Николаевский вокзал, куда прибывала львиная доля гостей столицы. На противоположной, нечетной стороне Невского проспекта, в доме 87, находилась известная Балабинская гостиница. Окна квартиры Розенбаумов выходили на Невский проспект и на Знаменскую площадь, получившую название от Знаменской церкви (сейчас на месте церкви, разобранной в 1941 году, находится наземный вестибюль станции метро «Площадь Восстания»).

Посередине площади стоял величественный памятник царю Александру III. В 1919 году монумент окрестили «пугалом» и выбили на нем строки пролетарского поэта Демьяна Бедного:

Мой сын и мой отец при жизни казнены,
А я пожал удел посмертного бесславья.
Торчу здесь пугалом чугунным для страны,

³² Исаак Моисеевич Гузарчик (1864–?) – врач-гинеколог, сотрудник Императорского клинического повивального института в Санкт-Петербурге, автор диссертации «Капиллярный дренаж матки как метод лечения послеродовых эндометриозов» (1898). Из архивных документов известно, что в местной еврейской общине он часто исполнял функции могеля – человека, делавшего новорожденным мальчикам ритуальное обрезание (см.: Метрическая книга о рождении евреев-купцов // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 422. Оп. 3. Д. 394. Л. 1; Д. 410, Л. 36 об.).

³³ По другой версии, на наш взгляд, менее убедительной, в этот период семья ютилась в одной комнате.

Навеки сбросившей ярмо самодержавья.

Во время революционных праздников памятник заключали в символическую металлическую клетку, а перед ним ставили винтообразную башню с колесом истории, надписью «СССР» и изображением серпа и молота. Глумиться над скульптурой перестали лишь в 1937 году, переместив его в запасники Русского музея.

Так выглядела повседневная реальность, которую ежедневно приходилось видеть из своих окон семье Розенбаум с 1910 по 1923 год (с перерывом на проживание в Крыму с 1918-го по 1921-й).

Детские впечатления

Какой была жизнь семьи в первые годы после переезда на Невский проспект? Судя по всему, союз Анны и Зиновия Розенбаум был достаточно устойчивым и бесконфликтным. Муж по много часов работал в аптеке; его супруга занималась воспитанием, образованием, медицинской и религиозной подготовкой девочек, пока они в возрасте восьми или девяти лет не поступили в школу. Главой семьи была, однозначно, Анна Борисовна. Об этом свидетельствуют все доступные семейные источники, прежде всего сама Айн Рэнд и ее сестра Нора. Следует отметить, что подобная «матриархальная» ситуация была достаточно типична для еврейских образованных семей той эпохи.

С каждым годом Розенбаумы становились всё богаче. В 1912 году Зиновий Захарович стал совладельцем «Александровской» аптеки, в которой работали не только он сам с компаньоном Александром Клинге, но и шестеро помощников фармацевтов, трое учеников и несколько служащих. В 1914 году, в начале Первой мировой войны, по-видимому в связи с ростом антинемецких настроений в стране, Клинге передал аптеку Зиновию Захаровичу в полную собственность. По мере роста доходов Зиновий приобрел не только саму аптеку, но и квартиру, которую ранее снимал, а также, возможно, и весь четвертый этаж. Тем не менее авторы, писавшие, что Зиновию Захаровичу принадлежал *весь* гигантский дом на Невском проспекте, безусловно, преувеличивают богатство семьи: им могли принадлежать квартиры лишь одного из подъездов.

Процветающий бизнес мужа позволил Анне нанять повара, горничную, няню для дочерей и даже бельгийскую гувернантку, чтобы девочки овладели французским еще до поступления в школу. Американский философ Джон Хосперс, основываясь на личных беседах с Айн Рэнд, сообщает, что у семьи было более пяти слуг и поэтому после революции большевики посчитали их «капиталистами»³⁴. Кроме того, все три дочери брали уроки музыки и рисования. Как большинство детей российских среднего и высшего классов, сестры Розенбаум начальное образование получали дома. Как мы видим из их дальнейшей судьбы, все они прекрасно знали иностранные языки и умели рисовать. Наташа позднее серьезно займется музыкой, Нора – живописью, а Алиса – историей, киноискусством и литературой. И всё это, несомненно, благодаря азам, полученным в детстве.

Ранние воспоминания Айн Рэнд неизменно связаны с матерью, взаимоотношения с которой она, как правило, описывала в достаточно мрачных тонах. По ее словам, мать была поверхностным, придирчивым, капризным, авторитарным человеком, чьим основным интересом в жизни было посещение и устройство пустых светских раутов. По словам писательницы, как-то раз мать торжественно сказала ей, что вообще не хотела детей и родила их только из чувства долга, принеся в жертву свои амбиции. Однажды Анна Борисовна так рассердилась на дочку, что сломала ногу кукле, которую та очень любила.

Приведем другие примеры конфликтных ситуаций между Анной Борисовной и ее старшей дочерью. Во время переезда на Невский (то есть в 1909 или 1910 году) Алису оставили на попечении родственников – семьи Конгейм. Вернувшись к родителям, Алиса попросила мать купить ей миди-блузку, такую же, какие носили ее кузины, однако Анна Борисовна отказала. «Она не одобряла миди-блузки или другие модные одежды для детей», – вспоминала об этом эпизоде Айн Рэнд полвека (!) спустя. Вскоре произошел еще один неприятный эпизод. Анна Борисовна дома наливала чай себе и гостям. Алиса попросила налить чашку и ей. Мать вновь ответила отказом: детям нельзя пить чай! Алиса не стала спорить, но про себя спросила:

³⁴ См.: Бейзер М. Евреи Ленинграда. С. 16.

«Почему они не позволяют мне получить то, чего я хочу?» В тот же момент она приняла решение: «Когда-нибудь у меня всё это будет!»

Другие детские столкновения Алисы с матерью зачастую были вызваны ее нежеланием играть с другими детьми и делать то, что делают они. Однажды, войдя в детскую комнату и обнаружив, что пол усеян игрушками, Анна Борисовна объявила Алисе, которой было около пяти лет, и двухлетней Наташе, что им надо сделать выбор: оставить себе игрушки, с которыми они хотели бы играть в настоящий момент, а другие передать ей на хранение – и получить их через год в обмен. Наташа выбрала те игрушки, которые ей нравились больше всего; Алиса же отдала матери свои любимые игрушки, представляя, какое удовольствие получит от них спустя год (вспоминая об этом событии через 50 лет, она в подробностях описала механическую заводную курочку, отданную матери). По прошествии года Алиса попросила мать вернуть ей игрушки, а та со смехом ответила, что отдала их в приют, поскольку если бы дочери действительно нуждались в этих игрушках, то никогда не отказались бы от них. Возможно, это была первая встреча Айн Рэнд с альтруизмом и благотворительностью – врагами, с которыми она будет бороться всю жизнь.

Сама Анна Борисовна считала свою старшую дочь «трудным ребенком». Впрочем, она действительно была такой. Алиса редко с кем-то играла и терпеть не могла физические нагрузки. «Двигайся, Алиса, двигайся!» – раздраженно кричала ей мать. Когда маленькой Алисе купили дорогой спортивный снаряд, она отказалась даже подойти к нему. Эта нелюбовь к спорту (в отличие от интеллектуальных нагрузок) сохранится у нее до конца жизни. Мать не понимала и не одобряла, что Алиса с энтузиазмом принимала некоторые детские песни и картинки – и резко отклоняла другие. «Мне она (мать. – Л. Н., М. К.) очень не нравилась, – вспоминала писательница много лет спустя. – Мы действительно не ладили. Она была моей полной противоположностью; так мне казалось и в детстве, и сейчас... Наши конфликты в детстве состояли в том, что я была необщительной, я была недостаточно заинтересована другими детьми, я не играла с ними, у меня не было подружек».

Но так ли уж права Айн Рэнд, столь резко отзываясь о матери и выставляя свои отношения с ней в виде некоего перманентного конфликта? Анна Борисовна до приезда бельгийской гувернантки учила дочерей читать и писать по-французски; именно она выписывала иностранные журналы, в том числе детские, которые так сильно повлияли на Алису, когда та начала сочинять свои собственные ранние истории. Не чужда была Анна Борисовна и идеям индивидуализма, столь сильно занимавшим ее старшую дочь. К примеру, в письмах 1930-х годов она заявляла: «Каждый человек является архитектором своей судьбы». Анне Борисовне нравилась идея «американской мечты»; она так хотела посетить США, что даже дала своим домашним котам клички Лос-Анджелес³⁵ и Миссури³⁶.

Анна Борисовна всегда гордилась умственными способностями своей старшей дочурки и часто демонстрировала ее сообразительность гостям. Это, кстати, нравилось самой Алисе, любившей находиться в компании взрослых, которым всегда можно задать вопросы. Увидев дома нового человека, маленькая Алиса всегда серьезно вопрошала: «А он умный?» Остальные качества – доброта, благородство, красота, богатство – интересовали ее гораздо меньше.

Сестра Нора утверждала, что между Алисой и матерью не было серьезных конфликтов, а сама старшая дочь являлась любимым ребенком в семье. Правда, сама Нора также писала о матери как о «домашнем тиране», которого она боялась даже после замужества³⁷.

³⁵ По другой версии, так назвала кота Алиса.

³⁶ Впрочем, возможно, свою кличку домашний питомец получил по названию американского парохода, прибывшего в Россию в 1892 году с гуманитарным грузом продовольствия для страдавших от голода, вызванного нехваткой хлеба, связанной с экспортом слишком большого количества зерна.

³⁷ См.: 100 Voices. P. 6, 11.

Словом, можно констатировать, что, с одной стороны, Анна Борисовна была авторитарна и нетерпима, считала свое мнение истиной в конечной инстанции, а себя – главной в доме. С другой стороны, она была прекрасно образованна и умна, что, в свою очередь, помогло ей вырастить трех умных и всесторонне образованных дочерей, одна из которых – конечно, не без ее участия – стала всемирно известным писателем и идеологическим вдохновителем новаторского течения в философии. Нет также никаких сомнений в том, что в своих поздних воспоминаниях Айн Рэнд серьезно преувеличивала степень антагонизма между ней и матерью, выдавая мелкие конфликты, случающиеся в каждой семье, за серьезную и глубокую вражду, которой попросту не было. Доказательством тому служат, к примеру, сотни нежных и прочувствованных писем, которые Анна Борисовна слала дочери после ее эмиграции в Америку, на которые та отправляла сотни ответов³⁸.

Студийная фотография 1910 года запечатлела облик Алисы – очаровательного ребенка с длинными, слегка вьющимися волосами, огромными умными глазами, в белом платице с оборками. Рядом стоит вторая маленькая очаровашка, как две капли воды похожая на Алису, только поменьше, – ее трехлетняя сестра Наташа. Хотя черно-белое фото не позволяет нам определить цвет глаз Алисы, но из поздних анкет мы знаем, что они были карие³⁹. А вот другое семейное фото: двухлетняя Алиса сидит на коленях у отца.

По словам самой писательницы, ее первые воспоминания относятся примерно к возрасту двух с половиной лет, то есть к лету 1907 года. Она с отцом сидела у окна и смотрела вниз на первые в России электрические трамваи. Зиновий Захарович объяснил маленькой Алисе, как работают трамваи, – и ей было приятно, что она смогла понять его объяснения.

Нет сомнений, что писательница романтизировала данный эпизод своей биографии. Первый петербургский электрический трамвай в торжественной обстановке отправился в свой первый рейс по маршруту Главный штаб – 8-я линия Васильевского острова 16 сентября 1907 года, то есть действительно в то время, когда Алисе было чуть больше двух с половиной лет. Однако этот трамвай не ходил по Московскому проспекту, на котором в то время жила семья Розенбаум. Скорее всего, она могла видеть трамвай несколько позднее, уже на Невском проспекте, в четыре-пять лет.

И тут особенно важно отметить, что первая трамвайная линия Санкт-Петербурга была построена *американской* компанией «Вестингауз электрик» (Westinghouse Electric). Такие предзнаменования будущей судьбы Айн Рэнд, выражающиеся в безмолвном отчаянном восхищении всем американским, будут и далее пронизывать ее российскую и советскую жизнь.

А вот раннее воспоминание, на сей раз связанное со страхом. Прогуливаясь с нянькой, девочка увидела стекло в деревянной раме, прислоненной к стене. Заинтересовавшись, Алиса подошла и притронулась к нему. Испуганная нянька оттащила ее в сторону, объясняя, что стекло острое, трогать его опасно. Воспоминания о пережитом страхе долгие дни беспокоили Алису.

Другое важное событие случилось с ней в шесть лет. Во время отдыха на морском курорте она случайно услышала музыку военного оркестра, игравшего марши, а также легкие немецкие, английские и американские песни – такие как «Долог путь до Типперери» («It's a Long Way to Tipperary»), «Йиппи йи йиппи йи йэй» («Yippy Yi Yippy Yi Yay») и др. Как замороженная, маленькая Алиса слушала эти простенькие мелодии, уводящие вдаль от повседневных проблем и огорчений, разительно отличающиеся от русской народной или классической музыки с ее экзистенциальным надрывом и поисками смысла жизни. В дальнейшем такая легкая музыка, позволявшая забыть обо всех проблемах и неудачах ее советской, а позднее и аме-

³⁸ Письма Анны Борисовны дочери сохранились в архиве Института Айн Рэнд в США, в то время как ответные письма пропали во время Великой Отечественной войны.

³⁹ См.: *Britting J.* Op. cit. P. 39.

риканской жизни, станет для нее своеобразным культом. Она даже станет называть этот жанр специально изобретенным термином «tiddlywink⁴⁰ music», что можно приблизительно перевести как «ерундовая музыка» (насколько нам известно, только Айн Рэнд применяла этот термин к музыке).

Поначалу Алиса вообще не принимала классику, но позднее, по мере взросления, полюбила произведения Рахманинова, Шопена, Верди и других известных композиторов. Да и обожаемая ею «ерундовая музыка», помимо маршей и песенок конца XIX – начала XX века, постепенно стала включать в себя и такие разножанровые произведения, как марш Прокофьева из оперы «Любовь к трем апельсинам», народная шотландско-ирландская «Моя ирландская Молли» («My Irish Molly»), джазовая «Давай, будь счастлив» («С'mon Get Happy»), вальс «Минутка» Шопена, арии из оперетт Ференца Легара и Имре Кальмана.

Кстати, поначалу ее любовь к «ерундовой музыке» вызвала резкое негодование матери. «Почему такое сообразительное дитя любит эту глупую музыку?» – вопрошали она и другие родственники, которые, к немалой досаде маленькой Алисы, не могли понять, что это *ее* выбор, с которым им придется смириться, а не пытаться на него повлиять. Это были *ее собственные* вкусы, и объяснять кому-то, «почему» и «зачем» она их имеет, Алиса попросту не желала. Резкий выбор интеллектуальных предпочтений, который она порой не в состоянии объяснить, станет в дальнейшем повторяющимся алгоритмом. Ее окружению придется смириться с этим, так как своих вкусов будущая писательница никогда не меняла и, более того, формировала свое окружение только из людей, которые разделяли ее предпочтения. Вот и в данном случае бабушке Розалии Павловне приходилось безропотно ставить пластинку с любимой «ерундовой музыкой» Алисы на патефон фирмы «Виктрола» (кстати, один из первых экземпляров патефонов такого типа в Санкт-Петербурге). Всю жизнь, в моменты радости и счастья, Айн Рэнд будет слушать эту музыку в своей комнате, пританцовывая и на мгновение возвращаясь в детство, к тому незабываемому оркестру на набережной.

А вот еще одно значительное событие, произошедшее, когда Алисе было семь лет. (Давайте еще раз поразимся тому, что писательница столь ярко помнила происшествие шестидесятилетней давности, будто они случились только вчера. Невольно приходит на ум автобиографическая книга Набокова, где знаменитый писатель-эмигрант так же детально разбирал свое русское детство. Несколько забегаая вперед, скажем, что «набоковские» параллели с жизнью Айн Рэнд будут анализироваться нами еще неоднократно.) Вновь морской курорт. Прекрасный отель, в котором останавливались в основном иностранцы, с роскошным теннисным кортом, что было крайне редко в тогдашней России. Случайно проходившая мимо корта Алиса увидела двенадцатилетнюю англичанку, играющую в теннис. Казалось бы, что в этом особенного? Однако образ юной, грациозной и стройной спортсменки в черных чулках и белых теннисных туфлях, стремительно передвигающейся по корту, навсегда врезался в ее память как символ чего-то прекрасного и независимого... Прекрасного и независимого настолько, что маленькая Алиса уже тогда не строила иллюзий – она прекрасно понимала, что не станет такой никогда. Однако ничто не мешало ей описывать этот идеал в своих романах. Черты ее любимого женского персонажа, Дагни Таггарт из романа «Атлант расправил плечи», будут в известной степени навеяны этим детским впечатлением.

Маленькая Алиса откуда-то узнала и запомнила имя прекрасной незнакомки – Дейзи Герхарди. Насколько нам известно, сама Айн Рэнд в дальнейшем никогда не пыталась познакомиться с Дейзи. А ведь это было так просто: ее старший брат Уильям Герхарди (1895–1977) позднее станет знаменитым британским писателем. В своих воспоминаниях он напишет и о

⁴⁰ Тиддлиуинкс – игра в «блшки», ныне почти забытая. Для игры используются небольшие диски (фишки), а также более крупный диск, при надавливании на край которого фишки «запрыгивают» в стоящую на середине игрового стола чашу или коробку. Цель игры – забросить максимальное количество фишек.

своей сестре Маргарет, по прозвищу Дейзи, и о том, как любил играть с ней в теннис⁴¹. (Кстати, семья торговца хлопком Герхарди жила в Санкт-Петербурге недалеко от Невского проспекта, так что теоретически Алиса могла встретиться с Дейзи и в родном городе.)

Где произошли встречи с «ерундовой музыкой» и символом независимой женственности Дейзи Герхарди? По мнению Барбары Брэнден, это случилось в Крыму, куда Розенбаумы якобы ездили отдыхать каждое лето и проводили там два месяца. Однако нам кажется, что в данном случае автор классической биографии Айн Рэнд ошибается. Ни один другой источник не упоминает о регулярных поездках семьи в Крым. А вот о том, что Розенбаумы ежегодно отправлялись на разные курорты Финского залива (например, Териоки, Сестрорецк или Лисий Нос), сообщают практически все. Кроме того, Уильям Герхарди в своих воспоминаниях также пишет о поездках его семьи в Сестрорецк, а не в Крым. Именно там они играли в теннис и слушали на набережной симфонический оркестр⁴². Об этом же в одном из интервью упоминает сестра писательницы Нора⁴³. Кроме того, в Териоки у Розенбаумов даже была собственная дача, где они проводили время вместе с семьей Гузарчик⁴⁴. Так что, на наш взгляд, знакомство Алисы с «ерундовой музыкой» и встреча с Дейзи произошли именно на берегу Финского залива, а не в Крыму.

Приблизительно в это время юная Алиса стала заниматься коллекционированием разных бумажных и прочих мелочей. «Я всегда собирала всякие разности», – вспоминала позднее писательница, добавив, что мать часто сетовала и на это увлечение дочери, считая, что та приносит в дом хлам. К счастью для девочки, бабушка, услышав жалобы Анны Борисовны, приобрела для внучкиных коллекций специальный комод с выдвижными ящиками.

Что же собирала маленькая Алиса? Она очень любила открытки с репродукциями известных живописных полотен, продававшиеся в галантерейных магазинах, но выбирала лишь те, на которых были запечатлены люди; пейзажи и натюрморты ее не интересовали. Кроме того, она коллекционировала фотооткрытки с видами различных местностей, где она побывала. К примеру, в ее коллекции были почтовые карточки с репродукцией «Русалки» художника С. С. Соломко, портретом Виктора Гюго, бюстом Аристотеля, видами пика Маттерхорн в Швейцарии и Санкт-Петербурга, фотографиями любимых актеров. Помимо этого, она обожала собирать другие бумажные мелочи – газетные вырезки, наброски, документы, эскизы, записи и т. п. Это коллекционирование всяческих мелочей продолжится и позднее. Писательница привезет с собой в эмиграцию – и сохранит до конца жизни – не только практически все свои советские документы, включая «Матрикул студента Ленинградского института экранного искусства», серпасто-молоткастый заграничный паспорт, но даже билет на корабль «Де Грасс», привезший ее в Америку в 1926 году. Некоторые из этих открыток и вырезок будут найдены после ее смерти в папке под названием «Фотографии, которые мне нравятся» (ныне они хранятся в Институте Айн Рэнд в США).

И последний важный штрих. С самого раннего детства мать, имевшая медицинское образование, привила Алисе привычку очень (пожалуй, даже слишком) внимательно относиться к любой, даже самой минимальной опасности контакта с бактериями или вирусами. Позднее эта привычка приобретет у нее гипертрофированный характер: она будет часами пускать воду в ванну, чтобы уничтожить бактерии, и ошпаривать кипятком тарелки после ухода гостей. Ей будет казаться невыносимой сама мысль о том, что ее рациональный образ жизни может быть нарушен такой неожиданностью, как банальная простуда⁴⁵.

⁴¹ См.: *Gerhardi W. Memoirs of a Polyglot*. London, 1931. P. 58.

⁴² См.: *Ibid.* P. 40–41.

⁴³ См.: *100 Voices*. P. 5.

⁴⁴ См.: *Ibid.* P. 13.

⁴⁵ См.: *Branden B. Op. cit.* P. 70–71.

Роль религии и еврейской идентичности

У нас не так много сведений о том, как именно выглядела религиозная жизнь семьи. Тем не менее важно отметить (хотя сама писательница и некоторые из ее биографов это явно старались скрыть), что Алиса Розенбаум и ее сестры так или иначе выросли в лоне иудаизма и соблюдали основные праздники. Мы знаем, к примеру, что семья достаточно традиционно отмечала Песах – основной праздник всех иудеев, связанный с памятью о массовом исходе евреев во главе с пророком Моисеем из египетского плена.

Это было, пожалуй, главное событие в религиозном календаре семьи. Согласно тексту библейской книги «Исход», Египет покинули 600 тысяч мужчин-евреев, члены их семей и представители иных племен. Воины фараона настигли беглецов у Красного моря, однако воды расступились, пропустив Моисея и его последователей, и сомкнулись, поглотив преследователей. Наиболее аргументированной выглядит датировка события примерно XIII веком до н. э.

Перед началом праздника из дома надо было удалить весь хлеб, изготовленный с помощью закваски (*хамец*). Из воспоминаний сестры Айн Рэнд мы знаем, что Зиновий Захарович сам готовил для праздника мацу (опресноки) – специальные лепешки из бездрожжевого теста. Это был непростой процесс – необходимо было соблюсти множество религиозных предписаний. В память о горечи египетского рабства маца заедалась горькой зеленью (российские евреи, как правило, использовали хрен и латук-салат). Все присутствующие на празднике должны были выпить – как минимум пригубить – четыре чаши вина или виноградного сока. В пасхальный вечер (*лейл а-сэдер*) к Розенбаумам приходили многочисленные родственники со стороны матери, так что праздник отмечали все вместе. Вечером кем-то из мужчин (возможно, самим Зиновием Захаровичем) читалась на древнееврейском языке пасхальная Аггада (Хаггада) – предание об исходе евреев из Египта. Следовательно, дочери так или иначе должны были слышать Аггаду и молитвы на древнееврейском языке в ашкеназском произношении, свойственном евреям России и Восточной Европы и сильно отличающемся от современного сефардского произношения иврита, принятого в Государстве Израиль. Родственники наверняка переговаривались друг с другом на родном идише, так что и этот язык юная Алиса Розенбаум также слышала в детстве.

Элеонора Дробышева позднее подчеркивала, что они праздновали *первый* сэдер Песаха; то есть, по всей видимости, семья вряд ли продолжала отмечать следующие шесть дней праздника, во время которых также полагалось не работать, а молиться и думать о событиях многовековой давности⁴⁶⁴⁷.

Известно также, что Розенбаумы в той или иной степени соблюдали Шаббат – праздник субботы. По еврейской традиции Шаббат начинался в пятницу вечером и продолжался до вечера субботы. В течение субботнего дня была запрещена любая трудовая деятельность, не разрешалось зажигать огонь, топить печь и включать электрическое освещение. Но если освещение было включено до наступления пятничного вечера, его оставляли на весь следующий день. Перед началом праздника, во время вечернего богослужения, торжественно зажигались свечи, читались особые молитвы и произносились благословения. Затем начиналась обильная трапеза (*сеуда*), на которую полагалось приглашать родственников и знакомых. Можно предположить, что по пятницам к Розенбаумам приходили многочисленные родственники.

⁴⁶ См.: 100 Voices. P. 13.

⁴⁷ Интересно, что в 1990-е годы Элеонора Зиновьевна говорила интервьюерам, что ей необходимо идти в синагогу, чтобы купить мацу. Вопрос, вернулась ли она к религиозным традициям лишь после перестройки или соблюдала их и в советское время, остается открытым; на наш взгляд, более вероятен первый вариант.

Выполняли ли Розенбаумы полностью все предписания относительно ритуально чистой – кошерной – пищи? Думается, семья не придерживалась закона о необходимости разделять мясное и молочное и вряд ли выполняла все предписанные Талмудом (средневековым сво- дом правовых и религиозно-этических положений иудаизма) правила. Тем не менее едва ли юная Алиса Розенбаум имела возможность попробовать свинину до своего отъезда в Аме- рику. (Впрочем, нам неизвестно, как она относилась к запрету на употребление свинины после иммиграции.)

Вряд ли семья соблюдала все строгие еврейские посты и отмечала такие святы для иудеев дни, как Йом Кипур (Судный день), Шавуот (Пятидесятницу) и др. Маловероятно также, чтобы Розенбаумы регулярно посещали синагогу; во всяком случае, ни Айн Рэнд, ни Элеонора Дробышева об этом не упоминают. Однако нет никаких сомнений, что их родители хотя бы иногда туда заходили и, скорее всего, порой брали с собой детей. В конце XIX века на Большой Мастерской улице (ныне Лермонтовский проспект, дом 2) в мавританском стиле была построена сохранившаяся до наших дней величественная Большая хоральная синагога, вмещавшая 1200 человек. Именно туда могли по большим праздникам ходить Зиновий Заха- рович и Анна Борисовна; при этом супруга должна была сидеть отдельно, в *эзрат нашим* – женской галерее на втором этаже.

Именно там в 1904 году состоялась их свадьба. В нашем распоряжении нет фотографий этого торжества, однако можно представить себе пышно одетых молодоженов, стоящих под *хупой*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.